

Боевой вылет фотокора «Комсомолки»

О подвиге фронтового фотографа «Комсомольской правды»

Бориса Иваницкого
рассказывает **Леонид Репин**,
обозреватель отдела специальных корреспондентов

Памятник погибшим
военкорам
«Комсомольской
правды» работы Эрнста
Неизвестного. Фото:
Евгения Сазонова

В обычные дни по несколько раз проходя мимо этого памятника в редакции «Комсомольской правды», поневоле бросаешь взгляд на него. А в праздничные дни бронзовое пламя обелиска ярко освещается, и уже невозможно не остановиться: имена наших героев, погибших в годы Великой Отечественной, будто бы вспыхивают и шлют нам привет из того далекого времени, когда они были такими, как мы сейчас.

Имя Бориса Прокопьевича Иваницкого среди этих имен...

Дядя Женя Халдей – тот самый, фронтовой корреспондент ТАССа, автор снимка «Знамя Победы над Рейхстагом», любил неожиданно, без звонка заглянуть ко мне в комнату накануне Дня Победы. Обязательно приносил бутылку прозраченькой и на закуску что-нибудь нехитрое, но очень уместное. А потом начиналось то, ради чего он приходил: воспоминания, безо всяких вопросов с моей стороны. Ему надо было с кем-то делиться тем, что его наполняло, а меня он знал чуть ли не с моего дня рождения. Иногда, уже дома, я что-то записывал в свою книжку памяти и время от времени возвращался к тем записям, вспоминая и самого Халдея, и то, что он рассказывал. Одна из таких записей словно бы выстрелила с пожелтевшей страницы: Халдей был последним, кто видел нашего фотокора живым.

Военные корреспонденты Тарас Карельштейн и Борис Иваницкий (справа). Фото: Архив «КП»

«Да вы хоть что-то о нем знаете?» – спросил Халдей. Я смущенно молчал: почти ничего, кроме имени на обелиске...

...Стояли жаркие первые июльские дни 1943-го, Халдей на попутках добирался в расположение авиаполка под Новороссийском. А там, уже на месте, буквально столкнулся с Борисом Иваницким. Иваницкий, приписанный к авиаполку, – капитан, в форме летчика, Халдей – старлей в морской форме, поскольку прописан к флоту. Конечно, знали друг друга давно и встрече жутко

обрадовались. Иваницкий был уж в солидном возрасте, гораздо старше Халдея, в «Комсомолке» – с 1931 года, но держался как равный товарищ. Да и не было принято у них, в этом фронтовом братстве, держаться как-то особенно: все делали одно общее дело. Конечно, раздобыли чего надо немного – как же такую встречу не сдобрить... Иваницкий, человек обычно сдержанный и немногословный, был в тот день возбужден: в нагрудном кармане его гимнастерки лежало предписание выехать в Москву в редакцию, и, вообще-то, он в дороге уже должен бы быть. А возбужден потому, что полк, к которому он был приписан, получил срочное задание бомбить немецкую базу на побережье. И Иваницкий уже получил разрешение командира полка лететь на одном из самолетов. Сказал Халдею: «Представляешь, сейчас слетаю за задание – и в Москву, со свежими снимками!»

На задание ушли пять наших бомбардировщиков. Вышли на цель вовремя, как и планировалось, отбомбились и повернули обратно. Тут и налетели немецкие истребители. Наши сопровождающие вступили в бой с ними. Бой был неравный – вражеских самолетов оказалось намного больше, и два наших бомбардировщика сразу же сбили. В одном из них летел Иваницкий...

Халдей рассказал, что и трое вернувшихся наших самолета крепко подбили – один садился на брюхо... Пилоты и рассказали, как самолет с нашим товарищем упал в море...

«Понимаешь, что случилось тогда?» – спросил Халдей. Мне казалось, что я понимал. Иваницкий погиб в бою, до последней минуты снимая, наверное...

«Он ведь мог остаться живым... Ведь никакого приказа лететь на это задание у него не было... – продолжал Халдей, – никто ему это не поручал. Но он знал, как нужны газете свежие снимки, и сам принял такое решение...»

***Борис Иваницкий совершил профессиональный подвиг,
отправляясь на боевое задание.
Как же не вспомнить о нем в такой-то день...***

